

Даниил (Делие) Ачинский, Праведник, Сибирский Преподобный

Уроженец Полтавской губернии

12/25 декабря 1784 – 15/28 апреля 1843

Память – 16/29 декабря (местно) и 10/23 июня (в Соборе Сибирских святых), 28 апреля (преставление)

В мелкоточечном Новых Сенжарах (современное написание: Санжары. -- Прим. ред.) Кобелякского уезда Полтавской губернии в семье казака по фамилии Делие 12 декабря 1784 года родился мальчик. При крещении нарекли его Даниилом. Род он как и многие его сверстники и соплеменники, но в пороки не впадал, был смел и непамятозлобен, грамоты не знал. Отец его, Корнилий, за двадцать лет до своей кончины лишился рассудка, но умер христианской смертью на Святой неделе. О матери Даниила известно лишь, что она была хорошей хозяйкой и честной женщиной.

В пятнадцатилетнем возрасте Даниил заболел горячкой, и домашние уже начали опасаться, что его ждет участь отца, но через два месяца Даниил совершенно оправился.

Выучившись играть на басе, Даниил с товарищами стал промышлять музыкой, но по требованию деда оставил это занятие и, заменив больного отца, принялся за домашнее хозяйство.

В 1807 году Даниила забрали, как тогда говорили, в солдаты. После первых двух лет службы был он определен в артиллерию и там, в батарейной школе, в два месяца выучился грамоте. Военная выучка скоро ему пригодилась. В скором времени ему пришлось участвовать в войне с Наполеоном, и вот где ему пригодилось знание ратного дела! Из всех, кто вместе с ним обслуживал орудие в Бородинском сражении (а всей прислуги было восемь человек) в живых остались он да еще один воин. Впоследствии ему даже довелось с русскими войсками побывать в Париже. Оттуда он дважды писал родным и высыпал им денег, при том, что слыл он человеком очень бережливым и даже скучным.

По окончании кампании с Наполеоном русские войска вернулись домой, и его батарея была расквартирована в Лебедяни. Отсюда он в 1820 году на три дня приходил домой в отпуск. К тому времени Даниил уже дослужился до звания унтер-офицера и исполнял обязанности каптенармуса. Но, оказавшись на побывке, жизнь повел строгую: многое омнился (и домашним говорил о необходимости ежедневной молитвы), читал духовные книги и рассказывал родным их содержание. Возвращаясь в батарею, Даниил оставил своему брату 25 рублей, племяннику отказал свою землю, со словами, что более денег у него нет, а те, что были, он употребил на украшение икон, но где и каких, не сказал. Расставаясь с родными, Даниил поклонился им и сказал: "Прощайте. Более не ожидайте моего прихода. Куда-нибудь залезу в щель, как муха, и там век доживу".

Через два года родные Даниила узнали, что батарея его будет проходить через Полтаву, и брат его отправился к нему на свидание, но увидеться им не довелось. От командира батареи брат узнал, что Даниил находится в Диканьке, куда он отправился на поклонение чудотворному образу Святителя Николая. В Диканьку, в надежде увидеться с племянником, отправилась тетка Даниила. Но грустной для нее была эта встреча. Даниил подошел к ее возу как чужой и, спросив лишь, с кем она приехала, тут же отошел. Женщина, случившаяся рядом, сказала тетке Даниила, что признала в ее племяннике живущего в лесу странника, которому она иногда носит пищу, и даже показала место, где он начал борьбы себе пещеру. С той поры родные потеряли Даниила из виду.

Жизнь Даниила к этому времени совершенно переменилась. Ревностное служение царю и Отечеству с окончанием войны мало-помалу стало уступать место стремлению послужить Богу. Этим переменам способствовало чтение Священного Писания, житий святых, которые ему давал один диакон. Неотразимое впечатление производили на него примеры жизни святых; много глубоких дум передумал он, и дошел до намерения подражать праведникам: удалиться от суеты, непостоянства мира, участии грешных. Решил все оставить ради помилования на Страшном суде. Так возникло в душе Даниила неодолимое желание уединения, молитв и подвижничества.

Среди воинского начальства понимания он не нашел. Скорей наоборот. Семnadцать лет беспорочной службы; честный, засвидетельствовавший свою храбрость раной в войне с врагом, представлен был к офицерскому чину, и вдруг — решительный отказ от дальнейшей службы, постоянные просьбы отпустить в монастырь либо в какую пустынь. Это было непонятно его командирам, и они пытались его вразумлять, даже сажали в карцер, но тщетно. Сидя под арестом, он утешался чтением, богомыслием, молитвой и лишь укреплялся в своем стремлении.

В конце концов, по его поводу состоялся военный суд, который вынес следующее решение: "За принятое намерение удалиться вовсе от службы для пустыножительства, и так как за всеми предпринимаемыми мерами и вразумлениями к продолжению службы остался непреклонен и при том показал, что лучше согласен получить смерть, нежели оставить свое намерение, по конфирмации г. Главнокомандующего южной армиией, какупорствующий в своем мнении и не хотящий служить, выключен из воинского звания и назначен в ссылку в Нерчинск, на работу в рудниках тамошних горных заводов".

В Сибирь Даниил шел вместе с преступниками в кандалах, и по прибытии был определен пожизненно на работу в Богоольский винокуренный завод Томской губернии. Так и остался он в кандалах работать на этом заводе.

Не мог терпеть враг спасения такого смирения и обрушивал на него все новые и новые испытания. По его наущению местный пристав вознавидел Даниила и все самыетя желые работы возлагал на него. Но Даниил крепился в Боге, не ослабевал. Протрудившись весь день, ночью он стоял на молитве, и даждем, когда можно было передохнуть, удалялся на молитву, всячески стараясь сделать так, чтобы его не видели. Пристав же издевался над ним, приговаривая: "Ну-ка, святоша, спасайся в каторге!".

Потеря в разум, бедный пристав дошел до исступления и однажды зимой приказал раздеть Даниила, посадить на крышу и там поливать водой, сам же при этом кричал снизу: "Спасайся, ты, святой!".

Господь по милосердию своему не оставил пристава без вразумления. Скоро после того случая он, а не Даниил, тяжело заболел. Болезнь эта оказалась ему ко спасению, ибо понял он, что тяжко согрешил, понял, Кем послана болезнь. Искренне раскаявшись, он просил Даниила простить его и помолиться о нем Господу.

Многое может молитва праведного, и вскоре пристав совершенно выздоровел. Неизвестно, что больше на него действовало, болезнь или выздоровление, только стал он после того хлопотать за Даниила перед губернатором. В рапорте, который он подал, было сказано, что Даниил не способен к работе и потому его можно освободить.

Получив свободу, Даниил возворился в Ачинске в маленькой келье, которую обуровдал себе в дворе одного боголюбивого купца. Жестокое житие избрал себе тут Даниил: постоянный труд, аскетизм и непрестанная молитва. Последние годы земной жизни Даниил провел у одного крестьянина в деревне Зерцалы, в семнадцати верстах от Ачинска. Тут его келья была размером с гроб. Платя свое он держал в сенях этого "гроба", так как одетый уже не мог поместиться в нем. Окно в его келье было размером в медный гривенник, и по целым неделям пребывал он в этом заключении безвылазно, в непрестанной молитве. Иногда в сенях занимался рукодельем, но денег за свои труды не брал, принимал только хлеб для пропитания. По ночам он тайно выходил, чтобы поработать у бедняков. Возделывал землю, жал и косил, трудился на огородах.

Пища, которую он принимал лишь к вечеру, и то не всякий день, состояла из воды, хлеба или картофеля, который он никогда не чистил. Перед едой забивал он себе за пояс деревянный клин, чтобы меньше есть. Для смирения плоти он носил берестовый пояс, в последствии вросший в тело (с ним он и был погребен). Носил он также железные вериги и обруч, но незадолго до смерти снял их и так пояснил это: "Тело мое к ним привыкло и не чуствует от них болезни, но тогда только подвиг бывает полезен, когда носит обуздание телу. Пусть лучше говорят обо мне люди: "Даниил нынче разленился". Это будет для меня лучше, чем их похвала".

Еще со времени его работы на заводе в народ пошла мольва о его праведной жизни, и когда Даниил поселился в Ачинске, к нему стали ходить за благословением на какое-либо дело, за советом, или просто взглянуть на него. Один вид подвижника действовал на душу неотразимо — закоснелые грешники рыдали и открывали свои грехи, опущая воздействие благодати Божией, явно в нем пребывающей.

Духовной силой, любовью и умилением были исполнены его беседы. Он говорил о церковных уставах, о заповедях, о Христе, Его учении и смерти крестной, о Воскресении, вечной жизни, блаженстве праведных и мучении грешных. Любовь, наполнявшая его сердце, изливалась в слезах, без которых он не мог говорить. Иногда во время беседы приходил он в духовное восхищение и молился восторженной молитвой, которая полноводной рекой всегда текла в его сердце.

Называть себя "отцом Даниилом" он запрещал, говоря, что один только у нас отец — Господь Бог, а все мы — братья, и потому звали его "брат Даниил". Многим из тех, кто сподобился видеть и беседовать с Даниилом, Господь открывал его прозорливость — дар, которого он удостоился за труды. Говорить он старался притчами и так, чтобы понятно было лишь тому, кому эти слова были обращены.

Местные архиереи, объезжая епархию, бывали у него и относились к нему с великим уважением. Архиепископ Иркутский Михаил плакал во время беседы с ним. Отъезжая, он умолял Даниила принять от него деньги, но тот отказывался брать. Прощааясь, архиепископ подал Даниилу просфору, в нижней части которой были положены деньги, но старец, не беря ее в руки, отломил себе верхнюю часть и сказал: "Владыко, мы разделим ее. Верхнюю часть — мне, а нижнюю — тебе". Дивясь прозорливости Даниила, тот поклонился ему в пояс со словами: "Прости, брат Даниил".

О милостыне говорил он так: "Лучше подавать, нежели принимать, а если и нечего подать — Бог не потребует. Нищета Бога ради лучше милости, а милость может оказать и неимущий. Помоги бедному, поработай у него, утешь его словом, помолись о нем Богу, — вот и через сие можно оказать любовь ближнему".

Часто шел он навстречу тем, у кого была большая в нем нужда. Так, бывало, когда кто из Ачинска собирался к нему в Зерцалы, он, прозревая их намерение, сам приходил к тем людям.

Любил он молчание, уединение, не терпел пустых речей и никаких разговоров, кроме духовных, не выносил. В несияжании дождался того, что любую весть почитал за вред своей душе. Одежда, которую он носил, была так плоха, что никто бы не поднял ее, если бы тот ее бросил. Никто не видел его едящим: часто постился он по седмице и больше. От поста тело его сделалось как восковое. Ко святому Причастию приступал он очень часто. Несмотря на тяжесть своих подвигов, лицом он был приятен и даже весел, часто небольшой румянец покрывал его щеки. К вольным страданиям Даниила со временем прибавилась и телесная немощь: от постоянного стояния на коленях образовались у него струпья, в которых завелись черви, но старец благодушно переносил эти муки. Столь самоотверженной жизнью, крайним пренебрежением земным ради Небесного, стяжал Даниил те духовные дары, о которых свидетельствовали его современники. Предавшись весь Богу, потому он и чувствовал над собой Егедесницу, хранившую его всюду.

Однажды некий человек, выйдя от него, полюбопытствовал, что делает Даниил в келье один. Но едва только он подполз к оконцу, как оттуда вырвалось пламя и едва не опалило любопытного. На его крик Даниил из кельи отвечал: "Бог простит тебя, но впредь не испытывай".

В январе 1843 года Даниил уехал из Ачинска в Енисейск. В тамошнем женском монастыре была ему хорошо знакома игуменья Евгения. По его совету она в свое время оставила мир. Еще живя в миру, она все звала его к себе, предлагая в своем саду устроить ему келью. Тогда он ей отвечал: "Вот будешь жить на твердой земле, я к тебе приду. Ты меня и похоронишь". По его словам и вышло.

Только три месяца прожил Даниил в Енисейске. Заболев в ночь на 15 апреля 1843 года, он на утрене исповедался, на ранней обедне причастился и, по прочтении отходной, тихо скончался, стоя на коленях. Произошло это в четверток на Светлой Седмице, в четвертом часу дня, на пятьдесят девятом году его многотрудной жизни. По смерти живая радостная улыбка запечатлелась на лице преподобного Даниила.

Весь город был на его отпевании; хотя многие и не успели узнать его при жизни, молва о праведной его жизни и особых дарах Божиих опережала старца всюду. Во время отпевания особенный свет наполнил храм, и многие почувствовали неземное благоухание. Даже некая слепая увидела яркий свет — как блеск молнии.

Погребли преподобного Даниила у Крестовоздвиженской церкви, где вскоре усердием его почитателей была построена часовня.